

Выступление председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Александра Черкасова на специальном заседании Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Общественное участие в противодействии экстремизму и терроризму»

17 октября 2017 года, Москва

Дамы и господа, добрый день!

Обсуждаемая проблема многогранна. Мои коллеги скажут о произвольных и незаконных трактовках и практиках «антиэкстремизма», о запретах и преследованиях людей, объединений, высказываний, действий, не выходящих «за край», находящихся в пределах допустимых и общепринятых практик, которые, по идее, закон как раз должен защищать.

Я же позволю себе кратко коснуться двух других существенных аспектов, касающихся политик и действий государственных структур.

Первый аспект - отношения властных структур с неформальными псевдообщественными группировками, применяющими насилие к тем, кого они называют «пятой колонной» и врагами существующей власти. Речь идет о поощрении или прямом использовании таких групп якобы для защиты интересов государства.

Второй аспект - отношение государства к сотрудничеству с обществом в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, в области профилактики этих явлений.

Эти два аспекта обсуждаемой проблемы - как чаши весов, указывают на сбалансированность, или на перекося государственной политики в обсуждаемой нами области.

Казалось бы, всё очевидно. Государство, силовые структуры, правоохранительные органы, судебная система и законодательная власть должны четко и однозначно исключить из числа допустимых практик создание, поддержку и использование группировок, использующих насилие.

Хотя бы потому, что, допуская существование таких группировок, они легализуют и нормализуют насильственные действия, нарушая тем самым государственную монополию на применение силы. В правовом государстве граждане делегируют властям право на применение силы. Нарушение этой монополии подрывает основу любой государственности.

На деле мы видим группировки, поливающие «пятую колонну» зеленкой и дерьмом, доходящие до рукоприкладства с нанесением серьезных травм. В Москве в таких действиях в последние годы неоднократно замечены участники так называемого «движения SERB». Порой дерьмо и удары доставались сотрудникам полиции, - есть видеозапись. Но никто из этого «движения» не был наказан. Они срывают оппозиционные, антивоенные и культурные мероприятия, атакуют посольства неудобных в данный момент стран. Складывается, во-первых, однозначное впечатление, что они «помогают» властям там, где те не могут или не хотят действовать напрямую, где те нуждаются в помощи такой «псевдообщественности». Второе впечатление - четкая координация с представителями властей и со взаимодействующими с властями СМИ. Третье впечатление - почти нулевая реакция правоохранителей: оказывается, бить полицейского можно, но не всем (возможно, присутствующие представители правоохранительных органов попытаются это опровергнуть).

Если бы хоть тень подобного позволили себе оппозиционеры, независимые активисты, - были бы уголовные дела и реальные сроки. А в нашем случае в единственном возбужденном уголовном деле о нападении на Алексея Навального полиция даже не может опознать нападавшего на четкой видеозаписи.

В Москве и регионах в насилии в отношении общественных активистов и оппозиционеров замечены НОД (так называемое "национально-освободительное движение") и формирования так называемых казаков. То же четкое впечатление координации с

представителями власти и провластных СМИ. Та же полная безнаказанность этих «движений» и практически полная - боевиков, если те таки попадают. Один пример: за нападение с зеленкой на участников церемонии награждения победителей «мемориального» исторического конкурса в 2016 году, - общественных деятелей, представителей посольств, учителей, школьников, - 500 рублей административного штрафа и отказ в дальнейшем разбирательстве.

В мировой практике в таких случаях говорят о GONGO (government organised non-government organisation, «организованная правительством неправительственная организация»), или проще - об «агентах властей».

Возможность контролировать такие группы - иллюзия. Еще большая иллюзия - возможность контролировать единожды делегированные и легализованные насильственные практики.

Теперь кратко по второй теме, об отношении госструктур к сотрудничеству с обществом в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, в профилактике этих явлений.

Пять лет назад, в июле 2012 года, здесь, в этом здании проходило большое совещание. Обсуждали опыт работы «Комиссий по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность» в республиках Северного Кавказа. Участвовали представители республиканских властей, федеральных силовых структур, правозащитных общественных организаций.

Среди прочего, было отмечено: там, где власть сотрудничала с обществом в «разрядке» вооруженного подполья, где использовались практики «мягкой», а точнее - «умной силы» (например, в Ингушетии), удалось существенно, на два порядка снизить активность подполья.

Теперь «Комиссии по адаптации» либо уничтожены, либо не действуют. Теперь также невозможно представить себе подобное совместное совещание.

Навешивание на правозащитные организации ярлыков «иностранных агентов» и «пятой колонны» привело к тому, что чиновники боятся любого взаимодействия с нами. В этом году мы с «Новой газетой» провели Круглый стол о противодействии радикализации молодежи. Намечали разговор о возможностях взаимодействия государства и общества, о лучших практиках и инициативах в противостоянии пропаганде террористических организаций. Вначале чиновники в республиках Северного Кавказа радостно соглашались прийти, выступать, и даже участвовать в подготовке программы. Потом отказывались приходить. Затем сообщали, что провести Круглый стол никак нельзя. В итоге мы его провели - в Москве, при полном отсутствии представителей государства.

Нет времени подробно говорить о ходе обсуждения. Вывод: нужны общественно-государственные структуры, занимающиеся проблемами дерадикализации. Нужен открытый и честный диалог. Но готовности к такому диалогу со стороны госорганов нет, может быть, единственная сохранившаяся площадка для диалога - этот Совет.

К этому диалогу надо привлекать разных религиозных деятелей, уходя от ярлыков «традиционного» и «нетрадиционного» ислама. Надо искать деятелей, авторитетных для молодежи, и при этом противостоящих террористам. Например, с имамами салафитского направления ислама, которые последовательно и открыто выступали против насилия и терроризма. Но – один пример: имам мечети в Хасавюрте Магомеднаби Магомедов, выступавший против ухода молодежи в лес или отъезда на Ближний Восток, был арестован и осужден по сфальсифицированному обвинению, - очевидно, потому что был настоящим лидером, способным возглавить мирный протест против произвола властей. Да, диалог с такими деятелями подчас не очень комфортен.

Но даже в этих условиях правозащитники порою небезуспешно заставляют работать правовые механизмы, содействуя борьбе с терроризмом. Подчас приходится делать то, что должны, но не сделали федеральные ведомства.

Пример - кампания по обжалованию в Дагестане практики незаконной постановки органами МВД граждан на «профилактический учет экстремистов и потенциальных террористов», которая нарушала права многих тысяч людей, не совершивших никаких правонарушений или преступлений.. Профучет в той форме, в которой он был реализован в Дагестане, являл собой практику не «грубой» даже, а «тупой силы»: существенные трудности для «профилактируемых», дающие большую мотивацию уйти от них хоть «в лес», хоть «в горы», огромная бессмысленная ото всего отвлекающая бумажная работа правоохранителей, околонулевой результат, - зато на выходе огромная бюрократическая отчетность!

Казалось бы, обязанность центрального аппарата МВД или органов прокуратуры была пресечь такую практику профучета, как она осуществлялась в Дагестане. Но этим пришлось заниматься правозащитным организациям и адвокатскому сообществу, используя, прежде всего судебные механизмы. По результатам проведенной в 2016-17 годах работы эта незаконная практика в Дагестане на сегодня прекращена.

Мы убеждены, что институтов гражданского общества есть свое место: быть эффективными инструментами гражданского контроля и обратной связи. И в этом качестве мы готовы участвовать в борьбе с экстремизмом и в его профилактике.